

ББК 63.521(=632)

И.Д. Фролова

Экологическое поведение алтайцев при использовании пищевых ресурсов дикой природы

Ключевые слова: алтайцы, природно-географическая среда, традиционная пища.

Key words: Altai people, nature-geographic environment, traditional food.

Существующие сегодня проблемы экологии и оптимизации здоровьесберегающей деятельности актуализируют обращение к истории жизнеобеспечивающих систем этносов. Наряду с жилищем, одеждой, пищей в систему жизнеобеспечения включены и некоторые виды или компоненты духовной культуры, участвующие в этом жизнеобеспечении непосредственно. В частности, это опыт традиционного природопользования и те её виды, которые участвуют в этом жизнеобеспечении опосредованно; к последним может быть отнесено и большинство религиозных установок и правил [1, с. 93].

Именно традиционное питание как часть системы жизнеобеспечения этноса в наибольшей степени отражает экологические связи, сложившиеся между производителями и потребителями продуктов, а обоих – с окружающей средой. От того, насколько эти отношения гармоничны, во многом зависит качество, а иногда и количество производимых продуктов, а это, в свою очередь, непосредственно влияет на здоровье людей [2, с. 155]. Алтайцы – коренной тюркоязычный народ Республики Алтай, добровольно вошедший в состав России в середине XVIII в. Он разделяется на субэтносы: северные алтайцы и южные алтайцы. История становления и развития любой этносоциальной общности тесно связана прежде всего с освоением людьми определенной территории проживания [3, с. 55]. Как отмечал профессор Томского университета В. В. Сапожников, народный характер алтайцев и других обитателей Алтая слагался в условиях сибирской лесной природы [4, с. 19].

Особенностью географического положения Горного Алтая является разнообразие микроландшафтов, о чем протоиерей Стефан Ландышев писал в 1864 г.: «Алтай великолепен, повсюду грозно величественные картины природы в чрезвычайно разнообразном смещении с видами невыразимо приятными» [5, с. 1]. На основании этого определяются различия в хозяйственном укладе двух этнотерриториальных групп. В комплексном хозяйстве у северных алтайцев черневая тайга способствовала преобладанию пешей охоты. Южные алтайцы занимались отгонно-пастбищным скотоводством с сезонными перекочевками в пределах межгорных долин. Соответственно у первых основными видами питания стали мясо диких животных, рыба

и продукты собирательства (ягоды, коренья, орехи), у вторых основой питания были молоко и мясо. При этом необходимо учитывать, что и южные алтайцы охотно употребляли в пищу мясо диких зверей [6, л. 7–10]. Объектами охоты мясного направления в основном были копытные: косуля (элик), дикий козел (теке), марал (сыгын), лось (булан). Охотничий период охватывал осень и зиму, что нашло отражение в народном календаре. К примеру, у теленгитов октябрь называется куран-ай (месяц косули-самца), ноябрь – сыгын-ай (месяц марала), декабрь – кочкор-ай (месяц дикого барана) [7, с. 81]. По данным Л.П. Потапова, мясо горного козла и барана считалось большим лакомством и редкостью, так как эти животные обитали в труднодоступных местах, и охота на них требовала приложения максимальных усилий. В этой связи ученый приводит изначально бытовавшие ограничения относительно упомянутых животных. Так, их мясо нужно было есть без соли. Нельзя было варить его одновременно (в одном котле) с мясом какого-либо другого животного. Нарушение этих запретов, по мнению алтайцев, влекло за собой неудачу в охоте [8, с. 48]. Из внутренностей убитых зверей по охотничьему обычаю в пищу сразу употребляли печень, поджаренную на костре. Костный мозг и почки упоминаются в героическом эпосе: «Семь месяцев буду на охоте; единственному сыну привезу тилик и пёрёк, – сказал Алтай-Бучый» [9, с. 17].

Во время охоты на маралов после разделки туши мясо отделяли от костей и раскладывали в переметные сумы (арчимаки). Большие кости бросали на угли костра и через несколько минут разрубали ножом повдоль. Горячий костный мозг подсаживали и ели, поскольку зимой после употребления костного мозга дольше не мерзнешь. Кроме того, это хороший способ проверки охотничьих ножей на прочность: «лезвие ножа проверим, когда будем тиликовать (добывать костный мозг)». Если лезвие недокаленное, то погнетса, если перекаленное, то зазубрится, хорошо закаленное легко разрубит кость [10]. Алтайцы старались использовать природные ресурсы, не истощая их. Охотники не добывали дичи больше, чем нужно для пропитания или уплаты ясака (налога) [11, с. 67]. В том случае, если выслеживаемое животное оказывалось самкой, ее не убивали.

Первоначально вся растительная пища добывалась алтайцами только путем собирательства. Деятельность, связанная с заготовкой и употреблением

съедобных дикорастущих растений и ягод, носила сезонный характер. Они собирали и запасали впрок дикие злаки, лук (алтайский, черемша, слизун, сизый), горный чеснок, ягоды (черемуху, малину, черную и красную смородину, бруснику и др.). Дальние походы за дикоросами не предпринимались. Весной употребляли в пищу корни лилейных растений: кандыка и сараны. Апрель в алтайском языке называют «кандыкай» – буквально месяц появления растения кандык. А.В. Адрианов указывал, что растительная пища у северных алтайцев играет весьма важную роль, запасается всегда впрок и в значительном количестве. По его предположению, «такие корни предшествовали, вероятно, хлебным растениям у инородцев» [12, с. 306]. Питание дикими кореньями «сохраняется доселе у инородцев, и применение этих кореньев к питанию представляет немалый интерес» [13, с. 127]. Кандык никогда не употребляли для еды в сыром виде, его очищали, клубни отваривали в молоке, воде или же пекли их в горячей золе. Испеченный в золе кандык имеет сходство с картофелем [14, с. 30]. В отличие от кандыка сарану ели и в вареном, и в сыром виде. Объемы заготовок не превышали потребностей семьи, всегда оставляли участки, на которых часть растений продолжала развиваться. Аналогично детям внушались запрет полного истребления цветов, ягод и орехов в лесу и обязанность помнить о прокормлении диких зверей и птиц, живущих рядом [15, с. 94].

Историко-этнографические материалы свидетельствуют о том, что наиболее чувствительными к внешним воздействиям оказываются этнические группы, традиционная система жизнеобеспечения которых содержит в своей основе хозяйство присваивающего типа – охотники, рыболовы, отчасти кочевые скотоводы. Их способы выживания, даже в условиях современного мира, в значительной степени состоят в непосредственном потреблении биоресурсов территории, а это требует, как известно, сохранения гомеостатического баланса достаточно хрупких антропоценозов, особенно если речь идет о хозяйственных ареалах небольшой величины [16, с. 26].

Но экологическая культура – это не только разумное природопользование. Это еще и сильное ощущение обществом своей соприродности. Порой трудно, если вообще возможно, установить, к какому культурному пласту восходят те или иные правила взаимодействия с природой. Синкретический характер многих распространенных в Центральной Азии культов проявился и в экологических традициях монголов, тувинцев, алтайцев и др. [17, с. 467]. В этом аспекте одно из наибольших значений у алтайцев имеет культ гор. Так, общественные моления, проводимые южными алтайцами в конце весны – начале лета и осенью, алтайцы посвящали Хозяину Алтая (Алтайдын ээзи). В мае на новолуние проводилось моление «зеленая листва» (жажыл бұр). Говорили «жыл чыккан» – год

прошел; кукушка кукует, значит, голод прошел, болезни ушли. Местом проведения моления являлись почитаемые горы, где особо уважаемыми людьми устанавливался тагыл – камни, сложенные в квадрат. Осенью, чтобы удачно перезимовать, проводился подобный же обряд «желтая листва» (сары бұр) [18].

Северные алтайцы наделяли полным паем охотника и тех стариков, которых брали с собой на промысел специально для того, чтобы по вечерам (когда утомленные ходьбой за день охотники соберутся на стан) рассказывать сказки. Иногда под аккомпанемент музыкального инструмента – топшура. Необходимость рассказывания сказок по вечерам на охоте объясняли тем, что сказки эти «любят слушать» «горные духи», «хозяева тайги», и за полученное удовольствие они «расплачиваются с охотниками ценным зверем». По существу же этот обычай нужно рассматривать как магический прием, имеющий целью «оказать благоприятное влияние на промысел», на увеличение охотничьей добычи [19, с. 15]. Осенний праздник «Тюрюк-Байрам» (праздник кедр) приурочивали к началу сбора ореха. Прежде чем ехать и идти в тайгу проводили пышные празднества с обилием яств и такими напитками, как кисломолочный чеген, молочная водка арака. Тем самым воздавалась дань дереву-кормильцу кедру, дающему свои плоды в пищу не только человеку, но и таежным животным. Если в урожайный год много шишек, то и белки, соболя, глухаря, рябчика тоже много [20, с. 27].

В настоящее время продукты указанных видов традиционного природопользования имеют меньшее значение в системе питания современных алтайцев из-за развития огородничества, содержания в личных подсобных хозяйствах животных и птиц. Проявление религиозно-магических представлений не так открыто, но известно практически каждому, пусть даже на уровне суеверий. К примеру, некоторые алтайские женщины, почувствовавшие боль в ногах после посещения гор, когда показывали красоты местности приезжим гостям или во время корпоративных выездов, объясняют это наказанием духа Алтая за неисполнение обрядов почитания природы [21].

Исходя из вышеизложенного мы можем заключить, что принципы природопользования алтайцев сформировались на уважительном и бережном отношении к окружающей среде. Количество производимых продуктов не превышало потребностей семьи. Адаптируясь к суровым природно-климатическим условиям, алтайцы не стали ни жестокими покорителями, ни пассивными потребителями пищевых ресурсов тайги. В обожествлении гор, водных источников, деревьев заложена любовь к родному краю, а не страх перед стихией, как может показаться на первый взгляд. Следование сложившимся морально-нравственным установкам на практике позволяло алтайцам сохранять экологический баланс и вместе с ним себя как народ, несмотря на свою малочисленность.

Библиографический список

1. Козлов, В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблем / В.И. Козлов. – М., 1994.
2. Григулевич, Н.И. Питание как важнейший механизм этноэкологической адаптации / Н.И. Григулевич // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001.
3. Ушаков, Д.В. Воспроизводство этничности в системе этнокультурных взаимодействий: теоретическая модель / Д.В. Ушаков // Этносоциальные процессы Сибири: тематический сборник / под ред. Ю.В. Попкова. – Вып. 6. – Новосибирск, 2004.
4. Сапожников, В.В. Пути по русскому Алтаю. – 2-е изд. / В.В. Сапожников. – Новосибирск, 1926.
5. Ландышев, Стефан. Алтайская духовная миссия / Стефан Ландышев. – М., 1864.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 598.
7. Укачина, К.Е. Алтай калыгыстын айлаткыш жандары / К.Е. Укачина. – Горно-Алтайск, 2004.
8. Потапов, Л.П. Пища алтайцев / Л.П. Потапов // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1953.
9. Никифоров, Н.Я. Аносский сборник / Н.Я. Никифоров. Горно-Алтайск, 1995.
10. Полевой материал автора: Петпенекон Николай Егорович, 1948 г. рождения, алтай-кижи, сеок майман, с. Балыктуюль Улаганского района. Записи 2004 г.
11. Сагалаев, А.М. Алтай в зеркале мифа / А.М. Сагалаев. – Новосибирск, 1992.
12. Потапов, Л.П. Черты первобытно-общинного строя в охоте у северных алтайцев / Л.П. Потапов // Сб. МАЭ. – М.; Л., 1949.
13. Адрианов, А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Русского географического общества / А.В. Адрианов // Записки ИРГО. – Т. 11. – СПб., 1888.
14. Ядринцев, Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение (Этнографическое и статистическое исследование с приложением статистических таблиц) / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1891.
15. Вербицкий, В.И. Алтайские инородцы / В.И. Вербицкий. – 2-е изд. – Горно-Алтайск, 1992.
16. Козлов, В.И. Методы этноэкологической экспертизы / В.И. Козлов. – М., 1999.
17. Дробышев, Ю.И. Экологические аспекты традиционной культуры монголов / Ю.И. Дробышев // Человек и природа в духовной культуре Востока / ред.-сост. Н.И. Фомина. – М., 2004.
18. Полевой материал автора: Якова Ирина Марковна, 1968 г. рождения, алтай-кижи, сеок коголь майман, с. Шибалино. Записи 2005 г.
19. Тадина, Н.А. К проблеме популяризации обычая «байлаш» / Н.А. Тадина // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994.
20. Тырышкин, А. Праздник таежных людей / А. Тырышкин // Пост-Скриптум. – 2005. – №26 (575).
21. Полевой материал автора: Мызина Татьяна Николаевна, 1965 г. рождения, алтай-кижи, сеок алмат, с. Сугаш. Записи 2008 г.